

в первом «ответе» Н. И. Надеждин заявил, что государство уничтожило народ, а во втором уверяет, что благодаря государству народ выживет, и Россия расцветет. Не случайно Н. И. Надеждину потребовалось написать именно два «ответа»: возможно, он ни столько спорил с П. Я. Чаадаевым, сколько разбирался в своих собственных мыслях о России. И видно, с каким трудом удается ему сделать вывод, иначе бы не было в его статьях столько противоречий.

Так кто же «десница», а кто — «шуйца» русского общества? Действительно ли П. Я. Чаадаев и Н. И. Надеждин так противоположны друг другу, что мы можем назвать их правой и левой рукой? Цитата, вынесенная нами в заголовок, должна была отразить, насколько противоречивыми были настроения в обществе XIX в. Но наше исследование показывает, что это лишь внешние противоречия. Мы не можем назвать П. Я. Чаадаева неправым: как выяснилось, на самом деле его слова нашли сочувствие у многих современников. Он осмелился сказать страшную правду о России, а Н. И. Надеждин — осмелился опубликовать ее. Мы назовем это парадоксом эпохи: споря друг с другом, они на самом деле говорят об одной и той же проблеме — о судьбе России и, как ни парадоксально, видят один и тот же выход — дать России возможность развиваться по своему собственному пути.

Литература

1. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Избранные труды. М., 2010. 776 с.
2. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 614 с.
3. Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 47-66.
4. Чаадаев П. Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избр. письма. Т. 1. М., 1991. 800 с.
5. Чаадаев П. Я. Философское и публицистическое наследие (сборник) / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Русский мир, 2008. 736 с.

Я. Л. Чернявская, г. Тюмень

ВОПРОС О ЗАПИСИ СТАРООБРЯДЦЕВ И ПРАВОСЛАВНЫХ ИСЕТСКОЙ ВОЛОСТИ В ПЕРЕПИСИ 1897 г.

Первая всероссийская перепись населения 1897 г. отличается от предыдущих ревизий тем, что составлялась не по метрическим книгам, не на основе старых ревизий (как можно видеть при изучении ревизских сказок 1850 и 1834 гг.), а непосредственно на месте методом опроса жителей населенного пункта. Для этого счетчикам (так назывались люди, собиравшие сведения) выдавались переписные листы. На каждом таком листе, сложенном вдвое, надлежало записывать жителей одного дома. На первой стороне листа приводились сведения о материале, из которого изготовлено жилище и крыша, указывались фамилия, имя и отчество хозяина и ставилась подпись счетчика. На развороте перечислялись находившиеся в доме люди, включая пребывающих в гостях, «призреваемых» и прислугу. Указывались не только имена, но и возраст переписываемого человека, степень родства с другими членами семьи, место рождения и место жительства. Отмечалось также умение читать, и где человек обучился грамоте. Наиболее важным для нас является то, что в этом документе указывается вероисповедание. Таким образом, анализируя данные Первой всероссийской переписи по соответствующим населенным пунктам ([3-14]), можно получить списки старообрядческого населения Исетской волости.

Однако здесь мы столкнулись с некоторыми трудностями. Учитывая замкнутость и особую ментальность старообрядцев, четко различающих «свое» и «чужое», можно предположить, что все население деревень одного из старообрядческих центров Зауралья было старообрядческим. Но данные переписи 1897 г. свидетельствуют, что православные и старообрядцы жили вместе в каждой деревне

Исетской волости. Это касается не только соседства домами. Встречаются семьи, где половина родственников записана православными, другая же половина значится как старообрядческая. Чаще всего православное вероисповедание указывается у невесток и внуков. Можно предположить, что мужчины-старообрядцы женились на православных. Этот же факт служит объяснением того, что встречаются семьи, где старообрядцами записано только старшее поколение, неженатые сыновья и незамужние дочери. В деревне Пастухова в большой старообрядческой семье значатся православные супруги Василий и Платонида, причем жена родом из Ишима. Возможно, именно для законного брака Василию пришлось принять православие. Православными записаны не только родственники старообрядцев, но и другие категории проживающих с ними людей, как, например, прислуга и так называемые «призреваемые», то есть люди, находящиеся на обеспечении других.

В этой связи появляются две версии большого количества православных Исетской волости по данным переписи 1897 г. По первой православными признаются все (или, по крайней мере, большинство), указавшие это вероисповедание. По словам А. В. Белугиной, миссионерская деятельность стала одним из главных способов привлечения старообрядцев к православной церкви. «Миссионерский съезд в Казани в 1885 г. поднял вопрос об учреждении противораскольнических миссионерств в каждой епархии Российской империи. В Тобольской епархии противораскольническое миссионерство возникло в 1887 г.» [1: 60]. Мы принимаем во внимание существование Рафайловского монастыря, организованного именно с целью искоренения раскола, а также данные «Справочной книги Тобольской епархии» начала XX в., где значатся православные приходы в селах Исетском и Рафайловском, в деревнях Теренкуль, Пастухова, Солобоева, Соткова, Бархатова, Бачинина [18: 203, 205]. Все эти населенные пункты входили в 3-е благочиние Ялуторовского уезда.

С другой стороны, люди, исповедующие старообрядчество, записывались православными; этот факт находит подтверждение в исторических и литературных источниках. Так, например, Чукмадин Н. М. пишет: «Большинство жителей дер. Кулаковой были в дни моего детства и отрочества старообрядцы филипповского и федосеевского толков, хотя по записям церковным и числились православными» [20: 23]. Боченков В. В. описывает курьезный случай, происшедший в г. Сухиничи Калужской области в XIX в. После выхода в 1854 г. указа, по которому только принадлежащий к синодальному православию или единоверию мог сохранить купеческое звание и пользоваться рядом привилегий сухиничские купцы подали заявление губернатору, что хотят перейти в единоверие. «Но вскоре оказалось, что из 58 купцов и зажиточных мещан 40 числятся в синодальном православии и по закону не имеют права перейти в единоверие» [2: 2]. Тобольские епархиальные ведомости, приводя статистику сгоревших по религиозным убеждения староверов, пишут, что в 1752 г. «сгорело 68 человек, в том числе 60 человек раскольников незаписанных, то есть считавшихся по метрикам православными» [19: 205].

Согласие быть занесенным в список, составленный властями, означало принятие на себя печати антихриста [17: 292]. Отрицательное отношение со стороны старообрядцев к «никонианцам», тяжесть двойного оклада (к тому же приходилось платить и за всех умерших, например, сгоревших, и за беглых) и прочие законодательные неудобства заставляли старообрядцев скрывать свою принадлежность к «старой вере».

Кроме непосредственного обозначения вероисповедания, указанием на принадлежность православным или старообрядцам могут служить данные о грамотности населения. По данным Ермачковой Е. П., на рубеже XIX–XX вв. подавляющее большинство жителей империи было неграмотным. Воскресные школы, возникнув в 1859 г., уже к 1862 г. были закрыты как не оправдавшие себя. Лишь через тридцать лет в стране их снова стали открывать, но работали они только в городе, оставляя в стороне благ образования сельское население [16: 91]. Грамота была распространена среди разных возрастных групп крестьян Исетской волости. Среди записанных старообрядцами читать умели не только дети 7–17 (19,6%), не только взрослые 18–50 лет (67,8%), но и люди преклонных лет 51–78 (12,6%), причем треть грамотных как самого старшего, так и самого младшего поколений были женщины. И если в первом случае данный факт можно объяснить большей продолжительностью жизни женщин, чем мужчин, то высокий процент грамотных девочек говорит о тенденции широкого распространения грамотности среди крестьянского населения Исетской волости. Этот факт соответствует почтительному отношению старообрядцев к книгам и книжной культуре. Грамотность позволяла противостоять «никонианам», в окружении которых старообрядцам приходилось жить.

С другой стороны, в графе «Где обучился грамоте» старообрядцы указывали следующее: «У солдат», «Дома у отца», «У брата», «В мин. училище». У православных же, кроме этих записей, встречается

ся другая: «В церковно-приходской школе». Это доказывает, что, при возможной записи старообрядцев православными, среди населения Исетской волости были и прихожане православных храмов.

Другой фактор, имеющий влияние на отметку о вероисповедании, была личность каждого конкретного счетчика, собиравшего сведения. В Исетской волости работали 4 счетчика: Михаил Михайлович Ренев, Яков Петрович Медведев, Дмитрий Васильевич Робустов, Никифор Феоктистович Пагадаев. Из «Списков заведующим переписными участками и счетчиками по Ялуторовскому округу» узнаем о людях, записывавших сведения. Михаил Ренев — 48-летний государственный крестьянин села Рафайловского, Яков Медведев — 25-летний мещанин из Ялуторовска, Никифор Пагадаев — 38-летний мещанин из Красногорской волости. Все они в свое время закончили уездные училища и работали сельскими и волостными писарями [15: 17-20]. Робустов Дмитрий — 26-летний диакон, по происхождению дворянин, закончил Тобольскую духовную семинарию. [15: 19-20]. Он был одним из немногих бесплатных счетчиков. Возможно, именно его принадлежность к православному духовенству послужило причиной почти поголовной записи крестьян села Исетского православными. Лишь одна семья из пяти человек Робустовым была записана старообрядцами, причем сначала она была отмечена как православная, потом первая отметка была зачеркнута, и внесено исправление. Таким образом, село Исетское, многие жители которого и в настоящее время определяют себя старообрядцами, формально оказалось почти полностью православным. По записям этого же счетчика, большое село Рафайловское также «стало» православным. Только одно село, переписываемое Дмитрием Робустовым, Солобоево, оказалось заселенным старообрядцами, что может свидетельствовать о сильных традициях и готовности к исповедничеству у его жителей.

Литература

1. Белугина А. В. Противораскольническое миссионерство в Тобольской губернии во второй половине XIX века // Словцовские чтения. — Тюмень, 2001. С. 60–61.
2. Боченков В. В. «Но до конца да соблюдайте истинную веру...» (из истории сухиничского единоверия) // Старообрядчество. История, культура, современность. Вып. 7. — М., 1999. С. 2–16.
3. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3420 (д. Бархатова) на 96 листах.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3419 (д. Бачинина) на 47 листах.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3421 (д. Гаева) на 180 листах.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3428 (д. Теренкуль) на 212 листах.
7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3427 (д. Солобаева) на 202 листах.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3426 (д. Садкова) на 57 листах.
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3420 (с. Исетское) на 198 листах.
10. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3423 (д. Пастухова) на 122 листах.
11. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3424 (д. Пакулина) на 17 листах.
12. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3425 (с. Рафайловское) на 305 листах.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 696 (Ревизская сказка Ялуторовского округа Исетской волости 9-й народной переписи) на 198 листах.
14. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 491 (Волости Рафайловской, Слободобешкильская, Суерская, Саламатовская, Соловьевская) на 198 листах.
15. ГАТО. Ф. И-233. Оп. 1. Д. 3. (Список заведующим переписными участками и счетчиками по Ялуторовскому округу, 1886 г.) на 50 листах.
16. Ермачкова Е. П. Сельские воскресные школы Западной Сибири // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 9-10 декабря 2004 г. — Тобольск, 2004. С. 91–93;
17. Савицкая О. Н. Старообрядчество Южного Зауралья в XIX в. // Мир старообрядчества. Вып. 1. Живые традиции. Результаты и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции. — М., 1998. С. 291–299.
18. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. 384 с.
19. Перечень известных религиозных раскольнических убийств и самоубийств // Тобольские епархиальные ведомости. 16 мая 1888. С. 194–207
20. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. — Тюмень, 1997.